

УДК 316.74:2

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И ХРИСТИАНСКИМИ ЦЕРКВЯМИ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ЛИССАБОНСКОГО ДОГОВОРА

С. А. МУДРОВ¹⁾

¹⁾Институт дистанционного образования Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ул. Иловайская, 9, 109651, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследуется эволюция взаимодействия христианских церквей и институтов Европейского союза после вступления в силу Лиссабонского договора. Рассматриваются институционализация открытого, прозрачного и регулярного диалога между Европейским союзом и религиозными организациями, а также его влияние на роль церквей в общеевропейской системе управления. Анализируются основные научные подходы к оценке места религии в европейской интеграции (от концепций, относящих церкви к периферийным акторам гражданского общества до концепций, подчеркивающих их институциональную и нормативную значимость). Особое внимание уделяется процессам секуляризации в государствах – членах Европейского союза, изменениям в социальном и правовом регулировании вопросов морали, семьи и биоэтики, а также региональной неоднородности религиозности в Европе. Показывается, что, несмотря на снижение уровня религиозности и либерализацию законодательства в области морали и нравственности, христианские церкви сохраняют устойчивое влияние на социум через представительства при европейских институтах, экспертные сети и консультационные механизмы. Вместе с тем отмечается, что Лиссабонский договор, не усиливая влияние церквей в значительной степени, институционально закрепил существующие модели диалога между учреждениями Европейского союза и религиозным сообществом.

Ключевые слова: Европейский союз; Лиссабонский договор; ст. 17 Договора о функционировании Европейского союза; христианские церкви; государственно-конфессиональные отношения.

INSTITUTIONALISATION OF DIALOGUE BETWEEN THE EUROPEAN UNION AND CHRISTIAN CHURCHES AFTER THE ENTERING INTO FORCE OF THE LISBON TREATY

S. A. MUDROV^a

^aInstitute of Distance Learning, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
9 Ilovajskaja Street, Moscow 109651, Russia

Abstract. This article examines the evolution of relations between Christian churches and the institutions of the European Union following the entry into force of the Lisbon treaty. It focuses on the institutionalisation of an open, transparent and regular dialogue between the EU and religious organisations and assesses its impact on the role of churches within the European governance framework. The study analyses major scholarly approaches to the role of religion in European integration, ranging from interpretations that view churches as marginal civil society actors to perspectives emphasising their institutional and normative significance. Particular attention is given to secularisation trends across EU member states, changes

Образец цитирования:

Мудров С.А. Институционализация диалога между Европейским союзом и христианскими церквями после вступления в силу Лиссабонского договора. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2026;1:86–94.
EDN: BKQZHH

For citation:

Mudrov SA. Institutionalisation of dialogue between the European Union and Christian churches after the entering into force of the Lisbon treaty. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2026;1:86–94. Russian.
EDN: BKQZHH

Автор:

Сергей Александрович Мудров – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры новых технологий в гуманитарном образовании.

Author:

Sergei A. Mudrov, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of new technologies in humanities education.
s.a.mudrov@mail.ru

in legal and social regulation of moral, family, and bioethical issues, and the regional diversity of religiosity in Europe. The findings show that despite declining religiosity and increasing legal liberalisation in the sphere of morality, Christian churches continue to maintain stable channels of influence through representations at EU institutions, expert networks, and consultative mechanisms. At the same time, it is noted that the Lisbon treaty, without significantly increasing the influence of churches, institutionally entrenched the existing models of dialogue between EU institutions and the religious community.

Keywords: European Union; Lisbon treaty; Art. 17 of the Treaty on the functioning of the European Union; Christian churches; state – religion relations.

Введение

Взаимодействие религиозных организаций и над-национальных институтов Европейского союза является одним из актуальных вопросов европеистики и социологии религии. Особое значение данная проблематика приобрела в условиях развития двух противоположных на первый взгляд процессов. С одной стороны, в большинстве государств – членов Европейского союза происходят процессы секуляризации, проявляющейся, в частности, в снижении уровня религиозности и изменении ценностных ориентаций. С другой стороны, в 2009 г. отношения между Европейским союзом и религиозными организациями получили институционально-правовое оформление. В частности, в ст. 17 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС)¹ была закреплена обязанность институтов ЕС поддерживать «открытый, прозрачный и регулярный диалог» с церквями, религиозными объединениями, а также философскими и неконфессиональными организациями² [1].

После вступления в силу Лиссабонского договора (1 декабря 2009 г.) ЕС пережил серию масштабных социально-общественных потрясений, включая мировой финансовый и долговой кризисы, миграционные кризисы 2015 и 2022 гг., пандемию COVID-19, выход Великобритании из состава ЕС и конфликт на Украине. Одновременно продолжала изменяться ценностная ориентация европейских обществ, что сопровождалось дальнейшей секуляризацией, либерализацией законодательства в области семейной политики и биоэтики, а также трансформацией представлений о месте религии в жизни государства и общества. В этих условиях возник закономерный вопрос о том, в какой степени христианские церкви сохранили возможность позиционировать себя в качестве влиятельных социальных институтов в рамках взаимодействия с учреждениями ЕС.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных взаимодействию ЕС и религиозных организаций, в научной литературе не сформировался унифицированный подход к оценке институционализации диалога церкви с ЕС. Одни исследователи рассматривают ст. 17 ДФЕС как форму символического признания общественной роли религиозных организаций, не оказавшую существенного влияния на их положение в общеевропейском пространстве [2–4]. Другие, напротив, связывают ее с формированием устойчивых механизмов участия религиозных организаций в обсуждении общественно значимых вопросов [5–7]. Большинство опубликованных работ посвящены нормативно-правовому анализу ст. 17 ДФЕС или описанию отдельных направлений взаимодействия между институтами ЕС и религиозными организациями, однако немногие авторы предпринимают попытки объяснить соотношение процессов секуляризации с развитием институционализированных форм религиозного участия в процессе европейской интеграции.

В настоящем исследовании мы исходим из предположения, что результатом заключения Лиссабонского договора является не столько укрепление влияния христианских церквей, сколько институциональная стабилизация их участия в процессе европейской интеграции. Данный документ способствовал тому, что снижение уровня религиозности в ЕС не привело к ослаблению институциональной структуры взаимодействия между Европейским союзом и религиозными организациями. Постлиссабонская модель отношений между ЕС и религиозными организациями рассматривается как пример институциональной устойчивости в условиях продолжающейся секуляризации.

Теоретико-методологические основы исследования

В рамках изучаемого вопроса религиозные организации рассматриваются как институциональные акторы, представляющие социальный институт религии и участвующие в общественных отно-

шениях посредством устойчивых организационных структур, нормативных практик и механизмов коллективного представительства интересов. Данный подход позволяет анализировать отношения

¹Появление ДФЕС стало результатом вступления в силу Лиссабонского договора в декабре 2009 г. Именно этот документ переименовал Договор об учреждении Европейского сообщества в Договор о функционировании Европейского союза, а также существенно изменил его содержание и адаптировал к новой институциональной структуре Европейского союза.

²Article 17 of the Treaty on the functioning of the European Union // Conference of European churches : website. URL: https://ceceurope.org/storage/app/media/uploads/2016/01/20100427_COMECE-CSC_Proposal_on_Article_17_TFEU.pdf?utm_source (date of access: 05.03.2026).

между ЕС и христианскими церквями как особый тип институционализированного взаимодействия. Статья 17 ДФЕС рассматривается не только как юридическая норма, но и как институциональный механизм, закрепляющий устойчивые формы взаимодействия между учреждениями ЕС и религиозными организациями.

Исследовательская проблема определяется в контексте противоречия двух тенденций развития европейского общества. С одной стороны, социологические исследования фиксируют снижение уровня религиозной самоидентификации населения в большинстве государств – членов ЕС и либерализацию ценностных установок в европейском обществе. С другой стороны, после вступления в силу Лиссабонского договора взаимодействие институтов ЕС с религиозными организациями получило формальное институционально-правовое закрепление в ст. 17 ДФЕС.

Ключевым аналитическим понятием настоящего исследования является институциональное влияние. В отличие от традиционной трактовки политического влияния как способности субъекта непосредственно определять содержание принимаемых решений, институциональное влияние понимается как способность социальных акторов сохранять устойчивое организационное присутствие в политической системе, участвовать в регулярных консультациях и экспертном взаимодействии, а также поддерживать институционализированные каналы коммуникации с органами публичной власти независимо от изменения текущей конъюнктуры. Соответственно, институциональное влияние христианских церквей раскрывается посредством двух взаимосвязанных индикаторов: 1) устойчивости организационного присутствия религиозных объединений при институтах ЕС (представительства); 2) степени институционализации механизмов взаимодействия между церквями и институтами ЕС (встречи высокого уровня, консультационные процедуры, экспертные площадки).

Подобная операционализация позволяет перейти от нормативной оценки влияния религиозных организаций к анализу институциональных характеристик их участия в системе управления ЕС.

Эмпирическую основу исследования составляют несколько взаимодополняющих групп источников. Первая включает нормативно-правовые докумен-

ты ЕС, прежде всего ДФЕС, материалы Европейской комиссии и Европейского парламента, регламентирующие взаимодействие с религиозными организациями. Вторую группу образуют данные Реестра прозрачности (*Transparency register*) ЕС, позволяющие проследить динамику институционального присутствия религиозных организаций при европейских институтах. Третью группу составляют материалы встреч высокого уровня руководства ЕС и представителей религиозных организаций, отражающие практическую реализацию диалога, который закреплен ст. 17 ДФЕС. В четвертую группу вошли результаты международных социологических исследований, характеризующих динамику религиозности населения государств – членов ЕС. Пятая группа включает отечественные и зарубежные научные исследования по проблемам европейской интеграции, социологии религии и государственно-конфессиональных отношений.

Методологическое исследование сочетает институциональный анализ, сравнительно-исторический анализ, качественный анализ документов и вторичный анализ данных международных социологических исследований. Институциональный анализ используется для выявления изменений в организационной структуре взаимодействия между ЕС и религиозными объединениями, сравнительно-исторический метод – для сопоставления положения христианских церквей до и после вступления в силу Лиссабонского договора, качественный анализ документов – для исследования эволюции нормативных механизмов диалога, вторичный анализ данных международных социологических исследований – для оценки изменения общественного контекста функционирования религиозных организаций в государствах – членах ЕС.

Отбор научной литературы осуществлялся по принципу теоретической репрезентативности. При проведении исследования использовались работы, представляющие основные направления дискуссии о роли религиозных организаций в европейской интеграции. Такой подход позволил реконструировать существующие исследовательские модели и сопоставить их с эмпирическими данными, которые характеризуют развитие отношений между ЕС и христианскими церквями после вступления в силу Лиссабонского договора.

Теоретические модели взаимодействия Европейского союза и христианских церквей

Несмотря на значительное число исследований, посвященных взаимодействию религиозных организаций и ЕС, в современной научной литературе отсутствует единая интерпретация роли христианских церквей в системе управления ЕС. Дискуссия ведется вокруг масштабов вовлеченности религиозных организаций в политику ЕС и долгосрочной стабильности каналов их коммуникации с национальными институтами ЕС. Анализ литературы

позволяет выделить три основные исследовательские модели, по-разному определяющие место религиозных организаций в системе управления ЕС и процессе европейской интеграции.

Первая исследовательская модель базируется на представлении о ЕС как о преимущественно секулярной политической системе, в которой религиозные организации являются одним из многочисленных институтов гражданского общества. В рамках

данного подхода ст. 17 ДФЕС рассматривается прежде всего как механизм символического признания общественной роли религиозных организаций, не предполагающий существенного расширения их возможностей по воздействию на процесс принятия решений.

Наиболее последовательно данная позиция представлена в работах Ф. Форе, который характеризует взаимодействие европейских институтов с религиозными организациями как инструмент повышения общественной легитимности европейского проекта [3]. Аналогичной точки зрения придерживается М. Стивен, подчеркивающий, что ЕС сохраняет принципиально светский характер, а религия оказывает воздействие преимущественно на общественные настроения и электоральное поведение, но не на институциональную архитектуру союза [4]. Б. Шаллан связывает возросшее внимание европейских институтов к религиозной проблематике прежде всего с прагматическими задачами европейской политики, а не с признанием особой роли христианских церквей в процессе интеграции [2]. Общая особенность данных подходов заключается в понимании необходимости диалога между ЕС и религиозными организациями как разновидности консультаций с институтами гражданского общества, принципиально не отличающейся от взаимодействия европейских органов власти с профессиональными ассоциациями, неправительственными организациями или экспертными объединениями.

Вторая исследовательская модель основана на более высокой оценке роли религиозных организаций в европейской интеграции. Ее сторонники обращают внимание на то, что влияние социальных институтов не всегда проявляется через непосредственное участие в принятии решений. Значительная часть современных политических процессов происходят посредством консультационных процедур и экспертного взаимодействия. В рамках данной модели ст. 17 ДФЕС рассматривается как элемент более масштабного процесса институционализации отношений между ЕС и религиозными организациями. К. Дженкинс отмечает, что деятельность европейских институтов затрагивает широкий круг вопросов, непосредственно связанных с религиозной сферой, включая антидискриминационную политику, трудовые отношения, образование, защиту персональных данных и деятельность средств массовой информации [6]. Р. МакКриа приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие у ЕС полномочий в области государственно-конфессиональных отношений, европейское право постепенно формирует пространство для регулирования вопросов свободы

совести и статуса религиозных организаций [8]. Наиболее последовательно институциональная логика представлена в исследованиях Л. Леуштына, рассматривающего развитие отношений между ЕС и религиозными организациями как часть общей институциональной эволюции управления ЕС. С его точки зрения, закрепление ст. 17 ДФЕС стало завершением длительного процесса формирования устойчивых каналов взаимодействия между европейскими институтами и религиозными организациями, которое началось на рубеже 1980–90-х гг. [7].

Третья исследовательская модель развивается преимущественно в рамках социологии религии и рассматривает христианские церкви не только как участников политического процесса, но и как институты, обеспечивающие воспроизводство коллективной идентичности, ценностных ориентаций и социальных норм. В центре внимания здесь находится не столько непосредственное влияние религиозных организаций на деятельность институтов ЕС, сколько взаимосвязь процессов секуляризации, трансформации ценностей и изменения характера участия религиозных организаций в общественной жизни.

Представители данного направления обращают внимание на то, что снижение уровня религиозной самоидентификации населения явно не коррелирует с общественной ролью религиозных институтов. Напротив, в условиях секуляризации религиозные организации нередко усиливают свое присутствие в публичном пространстве, концентрируя деятельность вокруг вопросов культурной идентичности, защиты традиционных ценностей, миграционной политики, биоэтики и социальной солидарности. В этом случае религиозные организации рассматриваются как институты символической интеграции общества, способные сохранять общественное влияние даже при сокращении числа верующих [1; 5; 9]. Таким образом объясняется интерес институтов ЕС к взаимодействию с религиозными организациями в условиях продолжающейся секуляризации европейских обществ.

Поскольку каждая из рассматриваемых моделей отражает лишь отдельный аспект исследуемого явления, их противопоставление будет некорректным. Ограниченность формальных полномочий не исключает существования институционального влияния, реализуемого посредством регулярного участия в консультационных процедурах, экспертной деятельности и формировании актуальной повестки европейских институтов. Одновременно снижение уровня религиозности не обязательно сопровождается ослаблением организационного присутствия религиозных институтов в политической системе.

Генезис институциональной модели диалога: от христианской демократии к ст. 17 ДФЕС

Институционализацию диалога между ЕС и христианскими церквями следует рассматривать в историческом контексте европейской интеграции. Можно

утверждать, что Лиссабонский договор не создавал принципиально новую модель отношений ЕС и церквей, но стал завершающим этапом длительного

процесса институционализации существовавших практик их взаимодействия. Политические элиты, стоявшие у истоков организации Европейского объединения угля и стали и Европейского экономического сообщества, разделяли идеи христианской демократии. Р. Шуман, К. Аденауэр и А. де Гаспери рассматривали объединение Европы не только как способ предотвращения военных конфликтов и обеспечения экономического развития, но и как нравственный проект, основанный на идеях человеческого достоинства, солидарности, субсидиарности и примирения европейских народов после Второй мировой войны [10]. Эти принципы, получившие развитие в социальном учении католической церкви и программах христианско-демократических партий, оказали заметное влияние на формирование ценностных оснований европейской интеграции.

Вместе с тем устойчивость европейских институтов была обеспечена участием различных сил, в том числе протестантских сообществ [11–13], при этом, невзирая на влияние христианской демократии, начальные стадии интеграции не предусматривали создание механизмов взаимодействия между европейскими институтами и религиозными организациями. В первые десятилетия существования европейских сообществ отношения церкви и ЕС носили преимущественно неформальный характер и основывались, скорее, на личных контактах отдельных политических деятелей. Влияние религиозного фактора в этот период определялось в основном мировоззренческими установками европейских элит.

Совершенствование механизмов многоуровневого управления, упрочение позиции Европейской комиссии и повышение ценности экспертных консультаций привели к формированию новых каналов взаимодействия европейских институтов и структур гражданского общества. Религиозные организации оказались естественными участниками данного процесса.

Либерализация общественной повестки и устойчивость диалога

Постлиссабонский период развития ЕС характеризуется продолжающейся секуляризацией, сопровождающейся снижением уровня религиозной самоидентификации и либерализацией законодательства в области семейной политики и биоэтики. Усиливаются нормативные расхождения между официальной позицией христианских церквей и правовым развитием государств – членов ЕС. После вступления в силу Лиссабонского договора число государств ЕС, признающих однополые браки, увеличилось с 4 до 14, а количество стран, легализовавших эвтаназию, – с 3 до 7. В сторону либерализации трансформировалось законодательство в области аборт.

Вместе с тем данная тенденция не влечет формирование в ЕС единого ценностного пространства. Государства ЕС продолжают значительно разли-

Важнейшим этапом институционализации диалога ЕС с религиозными сообществами стало создание по инициативе президента Европейской комиссии Ж. Делора программы «Душа для Европы». Взаимодействие между европейскими институтами и религиозными организациями стало приобретать регулярный характер. В Брюсселе создавались новые представительства религиозных организаций, проводились консультации с Европейской комиссией, формировались экспертные площадки по вопросам социальной политики, миграции, образования и прав человека. К середине 2000-х гг. модель диалога церкви с ЕС была фактически сформирована. В частности, начали проводиться встречи высокого уровня руководства ЕС с представителями религиозных организаций, ставшие впоследствии одним из наиболее заметных свидетельств практической реализации ст. 17 ДФЕС. Соответственно, закрепление в этой статье обязанности ЕС поддерживать открытый, прозрачный и регулярный диалог не создавало принципиально новых форм участия религиозных организаций в управлении ЕС, но переводило существующие практики из сферы политической целесообразности в сферу правового регулирования.

Данный факт позволяет рассмотреть в ином контексте последующее развитие отношений ЕС и христианских церквей. Если ст. 17 ДФЕС не создала новую институциональную модель, было бы неправильно ожидать существенного усиления влияния религиозных организаций после 2009 г. Более вероятным представляется сохранение устойчивости сформировавшихся механизмов взаимодействия церкви и ЕС в условиях изменяющейся повестки дня. Именно оно проверяется в последующих разделах исследования посредством анализа организационного присутствия христианских церквей при институтах ЕС и развития системы консультационных механизмов.

Как по уровню религиозности населения, так и по отношению к вопросам семьи, защиты человеческой жизни и роли религии в публичной сфере. Согласно данным Всемирного исследования ценностей, 61,1 % жителей государств – членов ЕС, охваченных исследованием, заявляют о своей вере в Бога. В Греции, Польше, Румынии и на Кипре этот показатель превышает 90 %, тогда как в Чехии и Швеции более половины населения относят себя к неверующим. Следовательно, ЕС сохраняет мировоззренческую неоднородность, объективно обуславливающую общественное значение религиозных организаций [14].

В целом снижение уровня религиозности и либерализация законодательства не тождественны возможному снижению институционального участия христианских церквей в процессе управления ЕС. Таким образом, дальнейший анализ фокусируется

не на отдельных законодательных инициативах общеевропейского уровня, результаты рассмотрения которых отражают сложный компромисс между государствами – членами ЕС, институтами ЕС и различными группами интересов, а на устойчивости самих институтов, участвующих в диалоге. В качестве основных индикаторов используются три взаимосвязанных параметра: 1) сохранение организационной структуры церковного присутствия при европейских институтах; 2) развитие процедур проведения регулярного диалога, предусмотренного ст. 17 ДФЕС; 3) изменение характера взаимодействия между европейскими учреждениями и религиозными организациями.

Наиболее наглядным показателем институциональной устойчивости выступает первый из перечисленных параметров. Если бы вступление в силу Лиссабонского договора привело к качественному усилению либо, напротив, ослаблению положения христианских церквей, это обстоятельство должно было найти отражение в работе постоянных представительств в Брюсселе. Следует отметить, что наиболее влиятельные и активно действующие представительства религиозных организаций были созданы еще до вступления в силу вышеупомянутого договора. В соответствии с классификацией, предложенной Л. Леуштяном, их можно разделить на четыре основные категории, которые представлены в таблице.

**Наиболее влиятельные представительства религиозных организаций
при институтах Европейского союза**

**Principal representations of religious organisations
to the institutions of the European Union**

Тип представительства	Название	Год открытия офиса в Брюсселе
Дипломатические представительства	Апостольская нунциатура при Европейском союзе;	1970
	Суверенный военный орден госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского Родоса и Мальты (Мальтийский орден)	2003
Официальные представительства церквей	Комиссия епископских конференций Европейского сообщества;	1980
	представительство Евангелической церкви в Германии;	1990
	Церковь Англии;	2008
	координационное представительство Православной церкви при Европейском союзе (Вселенский патриархат);	1994
	представительство Элладской православной церкви при Европейском союзе;	1998
	представительство Русской православной церкви при европейских институтах;	2002
	представительство Румынской православной церкви при европейских институтах;	2007
	Православная церковь Кипра	2007
Межрелигиозные организации	Конференция европейских церквей	1999
Религиозные организации, специализирующиеся на конкретных вопросах	Иезуитская служба по делам беженцев (Европа);	1991
	Евродиакония;	1996
	Caritas Europa	1971

Большинство религиозных организаций оформили постоянное присутствие в Брюсселе еще в 1970–2000-х гг., т. е. до вступления в силу Лиссабонского договора. Следовательно, ст. 17 ДФЕС не повлияла на организационную структуру взаимодействия между ЕС и христианскими церквями, а юридически закрепила существовавшую систему институциональных отношений. Этот факт подтверждают данные Реестра прозрачности. По состоянию на 2026 г. в категории «Организации, представляющие церкви и религиозные сообщества» было зарегистрировано 49 организаций – практически столько же, сколько и в 2009 г. Отдельные религиозные структуры, например Международная католическая комиссия

по миграции, зарегистрированы в иных категориях данных реестра, что свидетельствует о более широком фактическом присутствии религиозных организаций в системе управления ЕС.

Примечательно, что в рассматриваемый период (после 2009 г.) наблюдалось не столько расширение сети представительств, сколько ее частичная реорганизация. Так, прекратили деятельность представительства Русской православной церкви, Церкви Англии и Элладской православной церкви. Однако причины этих изменений были обусловлены специфическими обстоятельствами, а не пересмотром ЕС модели взаимодействия с религиозными организациями. Закрытие представительства Церкви Англии стало

следствием выхода Великобритании из состава ЕС. Прекращение деятельности представительства Элладской православной церкви связывалось с неудовлетворенностью поведением ЕС по отношению к нуждам греческого народа, а закрытие представительства Русской православной церкви в Брюсселе было обусловлено изменением приоритетов Московского патриархата на европейском направлении [15].

В целом количественные показатели организационного присутствия в Брюсселе не позволяют говорить ни об усилении, ни об ослаблении позиций

христианских церквей после вступления в силу Лиссабонского договора. Полученные данные, скорее, свидетельствуют о воспроизведении ранее сложившейся институциональной структуры. Это утверждение соответствует предложенной в настоящем исследовании концепции институциональной устойчивости, согласно которой изменение политико-правового контекста и нормативной среды не повлекло за собой существенной корректировки механизмов и состава участников взаимодействия институтов ЕС с религиозными сообществами.

Процедурная устойчивость диалога

Одним из индикаторов институциональной устойчивости является сохранение процедур регулярного взаимодействия между институтами ЕС и религиозными организациями. Наиболее заметным форматом такого взаимодействия являются встречи на высшем уровне между руководством ЕС и представителями религиозных организаций. Первая подобная встреча состоялась в июле 2005 г., когда руководители европейских институций провели консультации с представителями католической, православной и протестантской конфессий, а также представителями иудаизма и ислама. Основными темами стали расширение ЕС, проблемы безопасности и противодействие терроризму. До вступления в силу Лиссабонского договора были проведены пять встреч, что свидетельствует о регулярности данной практики еще до закрепления ст. 17 ДФЕС.

После 2009 г. встречи высокого уровня проводились в контексте положений об открытом, прозрачном и регулярном диалоге. Периодичность концептуально не изменилась, хотя в отдельные годы наблюдались отклонения от сложившегося графика. Так, в 2019 г. встреча не состоялась, как официально объяснялось, в связи с формированием нового состава Европейской комиссии и выборами в Европейский парламент. В 2021 г. вместо традиционной тематической дискуссии была проведена церемониальная встреча с подтверждением приверженности Европейской комиссии развитию диалога с церквями и религиозными организациями. В 2022 г. тематическая встреча также не проводилась, что, вероятно, было обусловлено доминированием в общеевропейской повестке вопросов, связанных с украинским кризисом.

Таким образом, эмпирические данные не позволяют говорить ни о существенном расширении, ни о прекращении использования данного формата взаимодействия после вступления в силу Лиссабонского договора.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении иных консультационных механизмов. Семина-

ры, экспертные консультации и тематические встречи между представителями европейских институтов и религиозных организаций проводились до 2009 г., в последующем эта практика не изменилась. Вместе с тем после расформирования в конце 2014 г. Бюро европейских политических советников и передачи его функций Европейскому центру политической стратегии интенсивность использования отдельных форматов экспертного взаимодействия снизилась. В частности, реже стали проводиться семинары, ранее регулярно организовывавшиеся при участии Бюро европейских политических советников. Это обстоятельство позволило некоторым исследователям предположить, что диалог между Европейской комиссией и религиозными организациями стал менее активным.

Однако подобная интерпретация представляется чрезмерно категоричной. Уменьшение числа отдельных мероприятий не свидетельствует об ослаблении институциональных механизмов, предусмотренных ст. 17 ДФЕС. В контексте взаимодействия церкви с ЕС по-прежнему организовывались встречи высокого уровня, консультации Европейской комиссии с представителями религиозных организаций, экспертное взаимодействие с церковными структурами и их участие в обсуждении общественно значимых вопросов. Иными словами, происходила адаптация отдельных процедур к изменившейся структуре ЕС, а не отказ союза от самой модели институционализированного диалога. Следовательно, процедурный аспект также подтверждает основную гипотезу настоящего исследования. После вступления в силу Лиссабонского договора взаимодействие между ЕС и христианскими церквями характеризуется прежде всего институциональной преемственностью. Изменения касаются отдельных организационных форм и интенсивности контактов, тогда как базовые процедуры регулярного диалога сохраняют свою неизменность.

Практическая результативность институционального диалога

Еще одним критерием оценки институциональной устойчивости выступает практическая результативность взаимодействия христианских церквей и ин-

ститутов ЕС. В отличие от организационного и процедурного аспектов, характеризующих наличие устойчивых механизмов диалога, данный показатель

позволяет оценить, в какой степени участие религиозных организаций отражается на содержании европейской политики.

На первый взгляд, может показаться, что институционализация диалога должна сопровождаться усилением влияния церквей на принимаемые решения. Однако подобное предположение не находит эмпирического подтверждения. В рассматриваемый период ЕС продолжил законотворчество в ряде сфер, в которых позиции европейских институтов и христианских конфессий существенно расходятся. Речь идет, прежде всего, о вопросах семейной политики, биоэтики, антидискриминационного законодательства. Следовательно, наличие постоянного институционального диалога само по себе не подтверждает способность религиозных организаций определять содержание принимаемых нормативных актов.

Вместе с тем было бы неправильно говорить о неэффективности диалога для церквей в контексте принимаемых на уровне ЕС решений. Современная система управления ЕС строится на взаимодействии многочисленных государственных и негосударственных участников, обладающих различными ресурсами. В этих условиях практически ни одна группа интересов не способна последовательно гарантировать принятие решений, полностью соответствующих собственной позиции. Итоговая политика формируется как результат поиска компромисса между позициями Европейской комиссии, Европейского парламента, Совета Европейского союза, государств – членов ЕС, экспертного сообщества, организаций гражданского общества и иных заинтересованных акторов.

В связи с вышесказанным результативность участия церквей в управлении ЕС целесообразно оценивать не в рамках логики законодательного вето,

а в рамках механизмов формирования повестки дня и минимизации нормативных рисков, т. е. оценивать их способность интегрировать защитные оговорки и правовые исключения в финальные тексты директив ЕС. Регулярное участие представителей религиозных организаций в консультациях Европейской комиссии, экспертных обсуждениях, встречах высокого уровня и иных механизмах, предусмотренных ст. 17 ДФЕС, обеспечивает возможность артикуляции религиозной позиции по вопросам, имеющим общественное значение. Даже в тех случаях, когда эта позиция не получает непосредственного отражения в принимаемых решениях, она остается частью европейского политического процесса.

Таким образом, эмпирические данные позволяют увидеть различия между институциональным участием и результативностью. Вступление в силу Лиссабонского договора не привело к заметному усилению способности христианских церквей влиять на содержание политики ЕС, однако обеспечило сохранение устойчивых механизмов их участия в системе управления. Именно эта устойчивость, а не корректировка отдельных решений представляет собой основное последствие правовой институционализации диалога, закрепленной ст. 17 ДФЕС.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: после 2009 г. отношения ЕС и христианских церквей развиваются преимущественно по модели институциональной преемственности. Корректируется содержание диалога, трансформируется политическая повестка, однако механизмы взаимодействия продолжают работать, придавая религиозным организациям статус постоянных участников европейской интеграции.

Заключение

Вступление в силу Лиссабонского договора не привело к существенному изменению позиции христианских церквей в институциональной системе ЕС. Закрепление в ст. 17 ДФЕС положения об открытом, прозрачном и регулярном диалоге стало прежде всего юридическим оформлением механизмов взаимодействия, сформировавшихся в сфере церковь – ЕС в 1990-х гг.

Развитие отношений ЕС и христианских церквей происходило в условиях радикальной трансформации общества. В большинстве государств – членов ЕС продолжились процессы секуляризации, сопровождавшиеся снижением уровня религиозной самоидентификации и либерализацией законодательства по ряду вопросов, имеющих принципиальное значение для христианских конфессий. Вместе с тем эти процессы не привели к минимизации роли религиозных организаций. Напротив, конфессиональная неоднородность государств – членов ЕС и зна-

чительный уровень религиозности в странах Центральной, Восточной и Южной Европы обуславливают сохранение общественной востребованности институционального диалога между европейскими институтами и христианскими церквями. Влияние религиозных организаций целесообразно оценивать в контексте не только формулировок отдельных директив ЕС, но и устойчивости институтов взаимодействия. Ограниченность формальных полномочий и возможностей влияния не исключает существование эффективных институциональных механизмов участия церквей в системе управления ЕС.

Эмпирическая проверка данной концепции осуществлялась по трем взаимосвязанным направлениям. Во-первых, анализ организационной структуры показал, что сеть представительств религиозных организаций при институтах ЕС после 2009 г. существенно не изменилась. Многие влиятельные представительства были открыты в Брюсселе еще

до вступления в силу Лиссабонского договора. Последующие корректировки носили преимущественно точечный характер, обусловленный политическими обстоятельствами, а не трансформацией европейской модели взаимодействия с религиозными организациями.

Во-вторых, изучение процедурных аспектов позволяет сделать вывод о сохранении основных механизмов диалога, включая встречи высокого уровня, консультации в рамках Европейской комиссии и иные формы взаимодействия, в контексте ст. 17 ДФЕС. Снижение интенсивности использования отдельных форматов сотрудничества не свидетельствует об отказе ЕС от регулярного институционального диалога, либо о принципиальном изменении интенсивности этого диалога.

В-третьих, анализ практической результативности указывает на различия между институциональным участием и политическим влиянием. Сохранение устойчивых каналов взаимодействия не гарантирует религиозным организациям воз-

можность определять содержание принимаемых решений. В условиях многоуровневого управления решения ЕС являются итогом взаимодействия многочисленных государственных и негосударственных акторов, поэтому влияние христианских церквей реализуется прежде всего посредством участия в формировании общеевропейской повестки, экспертных консультациях и обсуждении социально значимых вопросов.

Таким образом, гипотеза о существенном усилении влияния христианских церквей в ЕС после вступления в силу Лиссабонского договора не может считаться доказанной. Вместе с тем не подтверждается и суждение об утрате религиозными организациями своего значения в ЕС в условиях секуляризации. Наиболее достоверным представляется общий вывод о сохранении институциональной преемственности: механизмы взаимодействия ЕС и христианских церквей продолжают работать на высоком уровне, несмотря на изменения ценностных ориентаций и религиозности.

Библиографические ссылки

1. Nelsen BF, Guth JL. Losing faith: religion and attitudes toward the European Union in uncertain times. *Journal of Common Market Studies*. 2020;4:909–924. DOI: 10.1111/jcms.12993.
2. Challand B. From hammer and sickle to star and crescent: the question of religion for European identity and a political Europe. *Religion, State and Society*. 2009;1–2:65–80. DOI: 10.1080/09637490802693544.
3. Foret F. Religion: a solution or a problem for the legitimisation of the European Union? *Religion, State and Society*. 2009;1–2:37–50. DOI: 10.1080/09637490802693213.
4. Steven M. Religious lobbies in the European Union: from dominant church to faith-based organisation? *Religion, State and Society*. 2009;1–2:181–191. DOI: 10.1080/09637490802693981.
5. Мирошникова Е, Смирнов М. Основные тренды отношения государств Европейского союза к религии. *Современная Европа*. 2020;3:196–206. DOI: 10.15211/soveurope32020196206.
6. Jenkins K. The churches and Europe: relating to the European institutions. In: Barnett J, editor. *A theology for Europe: the churches and the European institutions*. Oxford: Peter Lang; 2005. p. 73–91.
7. Leustean L. Religion and politics in the European Union. In: Davie G, Leustean L, editors. *The Oxford handbook of religion and Europe*. Oxford: Oxford University Press; 2021. p. 287–306.
8. McCrea R. *Religion and the public order of the European Union*. Oxford: Oxford University Press; 2011. 312 p.
9. Mudrov S. *Christian churches in European integration*. London: Routledge; 2019. 234 p.
10. Venneri G, Ferrara P. Alcide De Gasperi and Antonio Messineo: a spiritual conception of politics and a pragmatic idea of religion? *Religion, State and Society*. 2009;1–2:115–129. DOI: 10.1080/09637490802693841.
11. Hehir BJ. The old church and the new Europe: charting the changes. In: Byrnes TA, Katzenstein PJ, editors. *Religion in an expanding Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p. 93–116.
12. Madeley J. E unum pluribus: the role of religion in the project of European integration. In: Haynes J, editor. *Religion and politics in Europe, the Middle East and North Africa*. London: Routledge; 2010. p. 114–135.
13. Philpott D, Shah TS. Faith, freedom and federation: the role of religious ideas and institutions in European political convergence. In: Byrnes TA, Katzenstein PJ, editors. *Religion in an expanding Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p. 34–64.
14. Hackett C, Stonawski M, Yunping Tong, Kramer S, Shi A, Fahmy D. *How the global religious landscape changed from 2010 to 2020* [Internet]. 2025 [cited 2026 July 5]. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/religion-in-europe/>.
15. Шиманская О. Европейская идентичность и православие в Европе. В: Громыко АА, редактор. *Европа в глобальной перестройке*. Москва: Весь мир; 2023. с. 207–222.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026.
Received by editorial board 13.03.2026.